

I. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 29 НОЯБРЯ 1847 г. в ПАРИЖЕ НА БАНКЕТЕ В ГОДОВЩИНУ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830 г.

** По тексту, напечатанному в газете Флокона и Ледрю-Роллэна La Reforme 1847, 14 Decembre.*

Господа,

Настоящая минута для меня очень торжественна. Я русский и прихожу на это многочисленное собрание, которое сошлось, чтоб праздновать годовщину польского восстания, и которого одно присутствие здесь есть уже род вызова, угроза и как бы проклятие, брошенное в лицо всем притеснителям Польши; -- я прихожу на него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимым уважением к моему отечеству.

Мне не безызвестно, насколько Россия не популярна в Европе. Поляки смотрят на нее, не без основания, быть может, как на одну из главных причин их несчастий. Люди независимые в других странах видят в столь быстром развитии ее могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народов. Повсюду имя русского является синонимом грубого угнетения и позорного рабства. Русский, во мнении Европы, есть ни что иное, как гнусное орудие завоевания в руках ненавистнейшего и опаснейшего деспотизма.

Господа, -- не для того чтоб оправдывать Россию от преступлений, в которых ее обвиняют, не для того чтоб отрицать истину, взошел я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится более, чем когда либо, нужною для моего отечества.

И так, да -- мы еще народ рабский! У нас нет свободы, нет достоинства человеческого. Мы живем под отвратительным деспотизмом, необузданном в его капризах, неограниченном в действии. У нас нет никаких прав, никакого суда, никакой апелляции против произвола; мы не имеем ничего, что составляет достоинство и гордость народов. Нельзя вообразить положение более несчастное и более унижительное.

Извне наше положение не менее плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для нас чужая, воли, которая так же противна нашим интересам, как и нашей чести, мы страшны, ненавидимы, я хотел даже сказать, почти презируемы, потому что на нас повсюду смотрят, как на врагов цивилизации и человечества. Наши повелители пользуются нашими руками, для того чтоб сковать мир, чтоб поработить народы, и всякий успех их есть новый позор, прибавленный к нашей истории.

Не говоря о Польше, где с 1772 и особенно с 1831 г. мы позорим себя каждый день жестокими насилиями, гнусностями, которым нет имени, -- какую только несчастную роль не заставляли нас играть в Германии, в Италии, в Испании, даже во Франции, повсюду, куда наше вредоносное влияние могло только проникнуть!

После 1815 г. было ли хоть одно благородное дело, которое бы мы не подавляли, хоть одно дурное дело, которое бы мы не поддерживали, хоть одна великая несправедливость политическая, в которой мы бы не были подстрекателями или соучастниками? -- Вследствие фатальности, поистине плачевной, и гибельной прежде всего для самой России, эта Россия, с самого начала ее поднятия до чина первостепенного государства, стала поощрением к преступлению и угрозой всем святым интересам человечества. Благодаря этой ненавистной политике наших государей, русский, в официальном смысле слова, значит раб и палач!

Вы видите, господа, -- я вполне сознаю свое положение; и все таки я являюсь здесь, как русский, -- не несмотря на то, что я русский, но потому что я -- русский. Я прихожу с глубоким чувством ответственности которая тяготеет на мне, равно как и на всех других личностях из моего отечества, так как честь личная нераздельна от чести национальной, без этой ответственности, без этого внутреннего союза между нациями, и их правительствами, между личностями и нациями, не было бы ни отечества, ни нации. (Аплодисменты).

Этой ответственности, солидарности в преступлении никогда, господа, я не чувствовал так больно, как в эту минуту; потому, что годовщина, которую вы сегодня празднуете, господа, для вас -- великое воспоминание, воспоминание святого восстания и героической борьбы, воспоминание об одной из прекраснейших эпох вашей национальной жизни.

(Продолжительные аплодисменты). Вы все присутствовали при этом великолепном возбуждении народном, вы принимали участие в этой борьбе, вы были в ней деятелями и героями. В этой святой войне, казалось, вы развили, распространили, истощили весь энтузиазм, какой великая душа польская содержит в себе! Подавленные численною силою вы, наконец, пали. Но воспоминание об этой эпохе, на веки памятной, осталось записанным пламенными буквами в ваших сердцах; вы все вышли возрожденные из этой войны: возрожденные и сильные, закаленные против искушений несчастья, против печалей изгнания, полные гордости за ваше прошлое, полные веры в ваше будущее!

Годовщина 29 ноября, господа, для вас не только великое воспоминание, но еще и залог будущего освобождения, будущего возврата вашего в ваше отечество (Аплод.).

Для меня, как для русского, это годовщина позора; да, -- великого позора национального! Я говорю это громко: война 1831 г. была с нашей стороны войной безумной, преступной,

братоубийственной. Это было не только несправедливое нападение на соседний народ, это было чудовищное покушение на свободу брата. Это было более, господа: со стороны моего отечества это было политическое самоубийство. (Аплод.). Эта война была предпринята в интересе деспотизма и ни коим образом не в интересе нации русской, -- ибо эти два интереса абсолютно противоположны. Освобождение Польши было бы нашим спасением; если бы вы стали свободны, мы бы стали также; вы не могли бы ниспровергнуть пут царя польского, не поколебав трона императора России... (Аплод.). Мы дети одной породы, и наши судьбы нераздельны, наше дело должно быть общим. (Аплод.).

Вы это хорошо поняли, когда вы написали на ваших революционных знаменах эти русские слова: "за нашу и за вашу вольность". Вы это хорошо поняли, когда, в самый критический момент борьбы, вся Варшава собралась в один день, под влиянием великой братской мысли отдать честь публично и торжественно нашим героям, нашим мученикам 1825 г., Пестелю, Рылееву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Каховскому (Аплод.), повешенным в Петербурге, за то что они были первые граждане России!

Ах, господа, вы ничем не пренебрегали, чтоб убедить нас в вашем расположении к нам, чтоб тронуть наши сердца, чтоб вытянуть нас из нашего фатального ослепления. Напрасные попытки! Потерянный труд! Солдаты царя, глухие к вашему призыву, не видя, не понимая ничего, мы пошли против вас, -- и преступление совершено! Господа, из всех утеснителей, из всех врагов нашей страны, наиболее заслужили ваши проклятия и вашу ненависть -- мы.

И однакож я являюсь перед вами не только как русский кающийся. Я осмеливаюсь провозгласить в вашем присутствии мою любовь и мое почтение к моему отечеству. Я осмеливаюсь еще более, господа, осмеливаюсь пригласить вас на союз с Россией.

Я должен об'ясниться. Около года тому назад,-- я думаю, после убийств в Галиции,-- польский дворянин, в очень красноречивом и сделавшимся известным письме, адресованном к князю Меттерниху, делал вам страшное предложение. Увлеченный, без сомнения, ненавистью, впрочем совершенно законною, против австрийцев, он предлагал вам ни более, ни менее, как подчиниться царю, отдаться ему телом и душою, вполне, без условий и оговорок; он вам советовал захотеть добровольно то, чему вы до тех пор подчинялись, и обещал вам в вознаграждение за это, что лишь только вы перестанете позировать как рабы, ваш господин, против своей воли, станет вашим братом. Вашим братом, господа, слышите ли вы?-- император Николай вашим братом! (Нет, нет! Живое движение).

Угнетателя, врага самого ожесточенного, врага личного Польши, палача стольких жертв (браво!...) похитителя вашей свободы, того, кто вас преследует с такою адскою настойчивостью, столько же по ненависти и инстинкту, как и из политики, -- вы приняли - б за брата? (Нет! нет!).

Всякий из вас предпочел бы погибнуть (Да!...) я это хорошо знал, всякий из вас предпочел бы видеть гибель Польши, чем согласиться на такой чудовищный союз. (Удвоенные браво). Но допустите на мгновение это невозможное предположение. Знаете ли, какое было бы самое верное средство для вас нанести вред России? Это было бы подчиниться царю. Он

нашел бы в этом освящение для своей политики и такую силу, которую отныне ничто бы не могло остановить. Горе нам было бы, если бы эта антинациональная политика воспребладала над всеми препятствиями, которые еще противятся ее полному осуществлению! И первое, самое большое препятствие, это, бесспорно, Польша, это отчаянное сопротивление этого геройского народа, который спасает нас, борясь с нами. (Шумные аплодисменты).

Да,-- потому что вы враги императора Николая, враги России официальной. вы натурально, даже того не желая, друзья народа русского (Аплод.).

Я знаю, в Европе вообще думают, что мы с нашим правительством составляем нераздельное целое, что мы чувствуем себя очень счастливыми под управлением Николая, что он и его система, притеснительная внутри, и наступательная вне, прекрасно выражают ваш национальный дух.

Все это неправда.

Нет, господа, народ русский не чувствует себя счастливым! Я говорю это с радостью, с гордостью. Потому что, если бы счастье было возможно для него в той мерзости, в которую он погружен, это был бы самый подлый, самый гнусный народ в мире. Нами тоже управляет иностранная рука, монарх немецкого происхождения, который не поймет никогда ни нужд, ни характера русского народа и правление которого, странная смесь монгольской грубости и прусского педантизма, совершенно исключает национальный элемент. Таким образом, лишенные политических прав, мы не имеем даже той свободы натуральной,-- патриархальной, так сказать,-- которою пользуются народы наименее цивилизованные и которая позволяет, по крайней мере, человеку отдохнуть сердцем в родной среде и отдаться вполне инстинктам своего племени. Мы не имеем ничего этого; никакой жест натуральный, никакое свободное движение нам не дозволено. Нам почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагает известную независимость, а мы только бездушные колеса в этой чудовищной машине притеснения и завоевания, которую называют русской империей. Но, господа, --предположите, что у машины есть душа и, быть может, вы тогда составите себе понятие об огромности наших страданий. Мы не избавлены ни от какого стыда, ни от какой муки и мы имеем все несчастья Польши без ее чести.

Без ее чести, сказал я, и я настаиваю на этом выражении для всего, что есть правительственного, официального, политического в России.

Нация слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержания жалких остатков существования, которое угасает. Но Россия не в таком положении, слава богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая, -- ей только надо опрокинуть препятствие, которым смеют ее окружать, -- чтоб показаться во всей первобытной красоте, чтоб развить все свои неведомые сокровища, чтоб показать наконец всему свету, что русский народ имеет право на существование не во имя грубой силы, как думают обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболее благородного, наиболее священного в жизни народов, во имя человечности, во имя свободы.

Господа, Россия не только несчастна, но и недовольна, -- терпение ее готово истощиться. Знаете-ли вы, что говорится на ухо даже при дворе в Петербурге? Знаете ли, что думают приближенные, фавориты, даже министры и литераторы? Что царствование Николая похоже на царствование Людовика XV. Все предчувствуют грозу, -- грозу близкую, ужасную, которая пугает многих, но которую нация призывает с радостью. (Шумные аплод.).

Внутренние дела страны идут ужасно дурно. Это полная анархия со всеми видимостями порядка. Под внешностью иерархического формализма, крайне строгого, скрываются отвратительные раны; наша администрация, наша юстиция, наши финансы, все это одна ложь; ложь, чтоб обмануть заграничное мнение, ложь чтоб усыпить чувство опасения и сознание императора, который поддается ей тем охотнее, что действительное положение дел его пугает. Это, наконец, организация на большую руку, организация, так сказать, обдуманная и ученая, несправедливости, варварства и грабежа, -- потому что все слуги царя, начиная от тех, которые занимают наивысшие должности и оканчивая самыми мелкими уездными чиновниками разоряют, обкрадывают страну, совершают несправедливости, самые вопиющие, самые отвратительные насилия, без малейшего стыда, без малейшего страха, публично, среди белого дня, с нахальством и грубостью беспримерными, не давая себе даже труда скрывать свои преступления перед негодованием публики,-- настолько они уверены в своей безнаказанности.

Император Николай принимает иногда вид, будто он хочет остановить рост этой страшной испорченности, но как может он устранить зло, которого главная причина в нем самом, в самой основе его управления, -- и вот где тайна его глубокого бессилия к добру. Потому что правительство, которое кажется таким импозантным извне, внутри страны бессильно: ничто ему не удастся, все преобразования, которые оно предпринимает, тотчас же обращаются в ничто. Имея опорой своей только две самые гнусные страсти человеческого сердца: продажность и страх, действуя вне всех национальных инстинктов, вне всех интересов, всех полезных сил страны, правительство России ослабляет себя каждый день своим собственным действием и расстраивает себя страшным образом. Оно волнуется, кидается с места на место, переменяет ежеминутно проекты и идеи, оно предпринимает сразу многое, но не осуществляет ничего. У него есть одна только сила -- вредить, и ею оно пользуется широко, как будто оно хочет само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное стране, посреди самой этой страны, оно отмечено для падения.

Враги его повсюду: во первых, эта страшная масса крестьян, которые не ждут более от императора своего освобождения и бунты которых с каждым днем умножаются, показывают, что они устали ждать; далее, класс промежуточный, очень многочисленный и состоящий из элементов очень различных, класс беспокойный, буйственный, который бросится со страстью в первое революционное движение.

Наконец и особенно, это бесчисленная армия, которая покрывает все пространство империи. Николай смотрит, правда, на своих солдат, как на своих лучших друзей, как на самую твердую опору трона: но это странная иллюзия, которая не преминет сделаться для него гибельною. Как! Опора трона, эти люди, вышедшие из рядов народа, так глубоко несчастного, люди, которых отрывают грубо от их семейств, которых ловят, как диких зверей, по лесам, где они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтоб избавиться от

рекрутства, -- которых ведут закованными в полки их, где они приговорены в течении 20 лет, т. е. всю жизнь человека, к одному существованию, где их бьют каждый день, угнетают ежедневно новыми тяжелыми работами и где они постоянно умирают с голода! Чем были бы они, великий боже! эти русские солдаты, если бы посреди таких пыток, они могли любить ту руку, которая их мучит! Верьте мне, господа, наши солдаты самые опасные враги теперешнего порядка вещей, -- особенно гвардейские, которые, видя зло у источника его, не могут обманываться на счет единственной причины всех их страданий. Наши солдаты -- это сам народ, но еще более недовольный, это народ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкший к дисциплине и к общему действию. Хотите ли доказательства? Во всех последних бунтах крестьянских отпускные солдаты играли главную роль. Чтоб закончить этот обзор врагов правительства в России, я должен, наконец, сказать, господа, что в дворянской молодежи есть много людей образованных, великодушных, патриотов, которые краснеют от стыда и ужаса нашего положения, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые все питают против императора и его правительства неугасимую ненависть. Ах, верьте мне право, элементов революционных достаточно в России! Она оживляется, она волнуется, она считает свои силы, она узнает себя, сосредоточивается, -- и минута не далека, когда буря, великая буря, ваше общее спасение, поднимется! (Продолжительные аплод.)

Господа, -- я вам предлагаю союз от имени этого нового общества, этой настоящей нации русской! (Аплодисменты).

Мысль о революционном союзе между Польшей и Россией не нова. Она уже зародилась, как вы знаете, между заговорщиками обеих стран в 1824 г.

Господа, воспоминания, которые я вызвал сейчас, наполняют мою душу гордостью. Русские заговорщики первые тогда переступили через пропасть, которая, казалось, нас разделяла. Слушаясь только своего патриотизма, не обращая внимания на предубеждения, которые вы естественно чувствовали по отношению ко всему, что носило имя русское, они обратились к вам первые, без недоверия, без задней мысли; они предложили вам общее действие против нашего общего врага, против нашего единственного врага. (Аплод.)

Вы простите мне, господа, эту минуту невольной гордости. Русский который любит свое отечество, не может холодно говорить об этих людях; они наша самая чистая слава -- и я счастлив, что могу провозгласить это посреди этого большого и благородного собрания, посреди этого польского собрания. (Аплод.) -- Они наши святые, наши герои, мученики нашей свободы, пророки нашего будущего. (Аплод.) С высоты своих виселиц, из глубины Сибири, где они стонут до сих пор, они были нашим спасением, нашим светом, источником всех наших добрых вдохновений, нашею охраною против проклятых влияний деспотизма, нашим доказательством перед вами и перед всем миром, что Россия содержит в себе все элементы свободы и истинного величия! Стыд, стыд тому из нас, кто не признает этого! (Шумные аплод.).

Господа, -- призывая их великие имена, опираясь на их могучий авторитет, я являюсь перед вами, как брат, -- и вы меня не оттолкнете. (Нет! нет!).

Я не уполномочен формально говорить вам так; но без малейшей суетной претензии я чувствую, что в эту торжественную минуту моими устами говорит вам сама нация. (Аплод.). Я не единственный в России, который любит Польшу и который питает к ней чувство горячего удивления, страстную горячность, глубокое чувство, смешанное с покаянием и надеждой, которое я никогда не смогу вам передать. Друзья, известные и неизвестные, которые разделяют мои симпатии, мои мнения, многочисленны (аплод.), и мне было бы легко доказать это вам, называя вам факты и имена, если бы я не боялся бесполезно скомпрометировать многие лица. От имени их, господа, от имени всего, что есть живого и благородного в моей стране, протягиваю я вам братскую руку. (Живые аплод.). Прикованные друг к другу судьбою, фатальною, неизбежною, долгою и драматическою историей, печальные последствия которой мы теперь терпим, наши страны долго взаимно ненавидели одна другую. Но час примирения пробил: пора уже нашим разногласиям окончиться. (Аплод.).

Наши преступления перед вами велики! Вам надо много простить нам! Но наше раскаяние не менее велико, и мы чувствуем в себе силу доброй воли, которая сумеет исправить все зло нами нанесенное, и забыть прошлое. Тогда наша вражда заменится любовью, любовью тем более пламенною, чем больше ваша вражда была неугасимою (Живое согласие).

Пока мы оставались разделенными, мы взаимно парализовали друг друга. Ничто не сможет противиться нашему общему действию.

Примирение России и Польши -- дело огромное и достойное того, чтоб ему отдаться всецело. Это -- увольнение 60-ти миллионов душ, это освобождение всех славянских народов, которые стонут под игом иностранным, это, наконец, падение, окончательное падение Деспотизма в Европе. (Аплод.).

Да наступит же великий день примирения, -- день, когда русские, соединенные с вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цель и против общего врага, получают право запеть вместе с вами национальную песню польскую, гимн славянской свободы "Jeszcze Polska nie zginela!"

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 июня 2025 00:13:48

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 4 июня 2025 01:04:41